

БЕЗЛИЧНОСТЬ И СМЕЖНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Н. П. Курмакаева

Реферат. *Учитывая дискуссионность объема и границ категории безличности, предложено разграничение безличных и смежных с ними конструкций других структурно-семантических разрядов с опорой на закономерности заполнения позиционного состава предложения. Акцентировано внимание на функциональных особенностях словоформ в связи с проявлением асимметричного дуализма языкового знака в синтаксисе. Выявлены критерии категории безличности, выведена структурно-семантическая модель-эталон безличного предложения. Обоснована двусоставность инфинитивно-оценочных предложений.*

Ключевые слова: *безличность, оценочность, синтаксическая позиция, функциональный эквивалент.*

Категория безличности (КБ), несмотря на значительные достижения в ее разработке учеными XIX – XX вв., в начале XXI века продолжает оставаться одной из самых дискуссионных. В русском синтаксисе до настоящего времени существуют различные взгляды на сущность, объем и способы выражения безличности. Этот языковой феномен в той или иной мере нашел отражение в таких направлениях современной лингвистики, как функционально-коммуникативное (М. В. Всеволодова, Г. П. Дручинина, Г. А. Золотова и др.), позиционное (М. В. Панов), структурно-семантическое (В. А. Белошапкина, Т. В. Шмелева и др.), когнитивное (Е. С. Кубрякова и др.), этнолингвальное (А. Вежбицкая, М. В. Захарова, З. К. Тарланов и др.), функционально-семантическое (А. В. Бондарко, В. В. Химик, О. А. Сулейманова и др.), в каждом из которых он получил свою интерпретацию и различное наполнение.

Все это свидетельствует о том, что динамика подходов к трактовке сущности КБ соотносится с общими тенденциями развития современной лингвистической мысли – многовекторностью и разноаспектностью. Проблема актуализируется в связи с отсутствием общепринятого понимания категории, нечеткостью ее границ, с необходимостью поиска надежных критериев для отграничения от смежных явлений.

Цель данной статьи – уточнить дифференцирующие параметры КБ и смежных явлений с учетом закономерностей заполнения синтаксических позиций в предложении и в связи с проявлением асимметричного дуализма языкового знака в синтаксисе.

Для достижения поставленной цели предполагается определить систему координат исследования, обосновать категориальные признаки исходных (базовых) моделей безличных предложений и их модификатов на фоне смежных структур, включить функционально-семантическую идентификацию исследуемых конструкций с моделью-эталонном.

Изучение любой грамматической категории сопряжено с поиском надежных критериев отбора и иерархического распределения признаков, обнаруживаемых в основе категории. Так происходило и с КБ: от признания все возрастающего количества безличных предложений (БП) в русском языке в связи с развитием соответствующих моделей на основе процесса «устранения подлежащего» (А. А. Потеня) [1] до полного пересмотра и переименования категории как не соответствующей «языковой реальности» [2, с. 122]. С возникновением новых аспектов наблюдения над объектом, способов и методик его исследования все очевиднее становится необходимость не полного ухода от сложившейся традиции, а совмещения

традиционного и нового для продолжения поиска адекватной параметризации искомой категории и отмежевания ее от других явлений, близких, но неоднородных в синтаксисе.

Если принять за исходное то, что личные (ЛП) и безличные (БП) конструкции – две взаимосвязанные ипостаси одного языкового явления: функционально-грамматической категории личности / безличности [3], необходимо уточнить специфику размежевания внутри категории. На наш взгляд, это прежде всего несовпадающий набор грамматических признаков входящих в нее единиц. Так, морфологизованное сказуемое в базовом ЛП выражается спрягаемой формой глагола, что в структурной схеме принято отражать символом V_f (т. е. глагол спрягаемый в одной из возможных форм его морфологической парадигмы), а морфологизованный главный член БП выражается безличной формой (БФГ) того же глагола, что в структурной схеме принято отражать символом $V_{f3/Sn}$ или V_{f3S} (т.е. глагол закрепляется в определенной форме как знак, несущий иной набор синтаксических связей и значений). Из этого следует: ЛФГ и БФГ в составе предикативного ядра предложения по-разному проявляют себя в отношении противочленов: личная с ним согласуется или координирует свои формы, а безличная маркирует полную закрытость позиции подлежащего и понижение синтаксического статуса субъектной словоформы вплоть до «полной элиминации» [4, с. 203].

Таким образом, ЛП и БП в синхронии характеризуются двумя различными подпарадигмами, входящими как частные в одну общую парадигму личности / безличности. Их разграничение и паспортизация связаны с исследованием позиционного состава предложения. При этом член предложения (ЧП) как компонент позиционного состава понимаем как структурно-семантическую категорию, опирающуюся на ключевые понятия: грамматическая форма слова (словоформа), синтаксическая позиция, синтаксическая функция, значение (содержание) словоформы в позиции и функции. Как видим, система координат исследования требует скорректировать различие плана формы (означающее) и плана содержания (означаемое) в сторону последовательного и строгого учета, помимо триады <форма–функция–значение> (по Г. А. Золотовой) [2, с. 3], еще и синтаксической позиции, т.е. строевого места в структуре предложения, наделенного синтаксической семантикой. Соответственно, под понятие ЧП мы подводим, вслед за В. В. Лушай, «словоформы (или комплексы словоформ), занимающие определенные синтаксические позиции в предложении по принципу бинарной оппозиции и обозначающие совместно с коррелянтами (противочленами) явления действительности в их свойствах и связях» [5, с. 8]. А понятие *главный член БП* в общем виде определяем следующим образом: словоформа (или ее эквивалент), занимающая в предложении единственную вершинную синтаксическую позицию при полной закрытости места подлежащего, выполняющая заданную позицией специфическую предикативную функцию и несущая в сопряжении с членами синтагматической цепи (эксплицитными или имплицитными) значение стихийности, самопроизвольности, инактивности.

Разграничение понятий *синтаксическая позиция* и *синтаксическая функция* необходимо четче представить «поведение» словоформы в той или иной синтаксической роли. Синтаксическая позиция – элемент языка-структуры, она характеризуется абстрактностью, константностью и независимостью от внешних условий. Синтаксическая функция (категория «языка в действии», языка-функции) по своей природе конкретная, амбивалентная, обусловленная, зависимая от степени приспособленности (специализированности) словоформы для ее выполнения в соответствии с требованиями синтаксической позиции.

Такое понимание синтаксических терминов *позиция* и *функция* позволяет вскрыть существо не только отношений симметрии между ЧП и частями речи (ЧР), что было

выявлено традиционной грамматикой и нашло теоретическое обоснование в понятии *морфологизованный член предложения* (МЧП), но и отношений асимметрии, открытых Ш. Балли и Э. Бенвенистом и получивших статус языковой закономерности благодаря сформулированной С. Карцевским диалектической сущности знаков – «адекватного» и «транспонированного» (неадекватного) [6, с. 87]. Отношения асимметрии при заполнении позиционного состава предложения нашли отражение в известных интерпретациях в русле коммуникативной лингвистики [7], а также в аспекте теории переходности [8]. Один из подходов к решению данной проблемы предложен В.В. Луцкай, в основе которого лежит концепция функциональной эквивалентности [9].

Указанное разграничение позволяет видеть, что в определенных случаях понятия *синтаксическая позиция* и *синтаксическая функция* полностью совпадают. Так самодостаточно реализуется МЧП – специализированная для данной синтаксической функции (соответственно и позиции) словоформа (определенная форма определенной части речи). Во всяком случае, не возникает сомнений по поводу квалификации коррелятивных пар ЛП и БП типа: *Сон клонил [Ростова] непреодолимо* (Л. Толстой) – *Клонит в сон старика* (В. Белов). В других случаях такого совпадения не происходит, когда в позицию, предназначенную для специализированной словоформы, «выдвигается» неспециализированная для этой функции и позиции форма слова (комплекс) как функциональный эквивалент (ФЭ) специализированной. Если спрягаемую ЛФГ (V_f) признать синтаксически специализированной словоформой для позиции сказуемого двусоставного ЛП (соответственно, имя существительное в Им. п. – для позиции подлежащего), а БФГ специализированной словоформой для позиции и функции главного члена БП (V_{fs}), то другие по частеречной принадлежности репрезентанты названных позиций должны квалифицироваться как неспециализированные. Обратим внимание на то, что уже эллипсис номинативной словоформы и выдвигание в позицию N_1 синкретичного компонента может вызвать затруднение относительно квалификации придаточной предикативной единицы как двусоставной в предложении: *И опять хочется настоящей любви, такой, **какая мечтается*** (Н. Лесков). В то же время полная закрытость позиции N_1 в коррелятивной паре: *Разве об этом **мечталось** синеглазой волчице?* (Ч. Айтматов) – позволяет говорить об односоставности, а дистрибуция и обусловленная ею семантика предикатной позиции – о безличности данного предложения.

В числе первых наиболее зримые границы БП представил А. А. Шахматов. Однако нестрогие требования к структуре БП сделали возможным допущение «при безличной форме глагола» подлежащих «в виде существительного д е л о» и местоимения о н о, выделение безличных д в у с о с т а в н ы х, включение в БП предложений с субъектом «при безличном б у д ь», выраженным «придаточным предложением» [10, с. 90], что сохраняет дискуссионность, а порой противоречит позиции самого автора (ср.: «Безличность же глагольной формы в русском языке обнаруживается морфологическим окончанием 3-го лица единств. числа при невозможности сочетать ее с каким бы то ни было подлежащим» (курсив наш. Н.К.) [10, с.467] и иллюстративный материал БП: *Чудно **все завелось** теперь на свете* [10, с.102]; *Все **молоко-то** у кошки **слизано*** [10, с.112]; *Пойми, отец... **ведь глупо это***. *Глупо* [10, с.114]; ***Невидадь**, что он придворный советник* [10, с.115] и др.). Наличие позиции подлежащего, замещенной словоформами по принципу асимметричного дуализма не снимает спорности указанной квалификации. В последнем, сложно-подчиненном, предложении придаточное является функциональным эквивалентом подлежащего (ПЕ $\approx N_1$) при сказуемом *невидадь*, которое к тому же выражается существительным женского рода в Им. п., способным дистрибутивно открывать согласовательную валентность на прилагательное-определение (*какая невидадь*).

Структурная неполнота главной части сложноподчиненных предложений с изъяснительным придаточным и при наличии предиката иной морфологической природы нередко выдается за безличность: *Желательно, чтобы с ответом не затягивали* (ТВ); *Заметно было, что герой наш в крайнем волнении* (Ф. Достоевский); *Было видно, как он волнуется* (разг.); *Но мне все равно, что штатский, что военный: одинаково интересно* (А. Чехов)

Классическим образцом формально-грамматического толкования БП является классификация А.М. Пешковского, опирающаяся на двуединство формы и содержания. За основной критерий выделения БП автор принимает факт отсутствия «согласования сказуемого с подлежащим» [11, с.316], т. е. безличность понимается как «устранение из мысли подлежащего» [11, с.322], и не просто подлежащего, а «согласуемого подлежащего». По понятной причине в состав БП автором включаются предложения с «формально неуподобленными главными членами»: инфинитивно-оценочного типа [11, с.325], двусоставные с количественно-именным сочетанием в позиции подлежащего и др. Классификация БП А. М. Пешковского убеждает нас не столько в наличии слабых мест формально-грамматического подхода к КБ (на тот момент это была блестящая разработка БП!), сколько в необходимости дальнейшего уточнения критериев, учета принципа функциональной эквивалентности при заполнении синтаксических позиций в предложении.

Главный член БП исторически выкристаллизовался как вершинный компонент позиционного состава предложений определенной структурной и семантической схемы, основными признаками которого являются: 1) запрет на связь с подлежащим; 2) строгая фиксированность формы выражения (грамматикализация) как результат «свертывания позиции подлежащего» [4, с. 106]; 3) обусловленное дистрибуцией значение стихийности, самопроизвольности действия / бытия / состояния.

В соответствии с логикой наших рассуждений за рабочее определение безличности принимаем: *безличность* – это грамматикализованное выражение в языковой картине мира явлений действительности как стихийно или самопроизвольно возникающих и протекающих, реализуемое в языке-функции через систему предикатных средств, имеющих дистрибутивную маркированность и неодинаковую степень приспособленности для выполнения функции главного члена БП.

Если следовать положению о том, что существуют исходные и производные от них структурные схемы предложения (Н.Ю. Шведова, В.А. Белашапкина), синтаксические места в которых заполняются специализированными и неспециализированными репрезентантами в силу полифункциональности значительного количества словоформ в русском языке (В. В. Луцкая) [9, раздел 4], то правомерно и утверждение о первичных и вторичных семантических схемах. Приняв за исходную (базовую) структурную схему BPV_{f3s} , семантическую модель можем представить по методике В. В. Луцкая как «*таково делается (происходит)*». О корректности данного рассуждения говорит то, что ядерной (собственно безличной, бессубъектно-безобъектной) группой БП всеми и однозначно признается группа, включающая наиболее древние конструкции типа: *Светаает; Подморозило; Разненастилось* и подобные. В них налицо полная симметрия знака и значения, что соответствует понятию «адекватный знак» [6, с. 87]). Закономерно отнести данные БП к ядру поля безличности русского языка, а основным дифференциальным признаком считать запрет на связь с N_I , то есть позиция N_I при нем полностью (и при этом значимо!) закрыта. Этим обуславливается специфика схемной семантики БП. И если морфологизованное сказуемое двусоставного предложения обозначает модально-временной признак его носителя – подлежащего, то грамматическая семантика морфологизованного главного члена БП призвана выразить стихийный модально-

временной процесс (*светает*), инактивную бытийность (*недостаёт*), инволюнтное состояние (*нездоровится*).

Однако позиционный состав предложения (в том числе БП и смежных с ними построений) весьма часто заполняется по принципу функциональной эквивалентности: «неадекватный знак» употребляется как функциональный эквивалент (ФЭ) «адекватного» занимаемой позиции знака. Этот факт делает необходимым применение метода интроспективного анализа, который предполагает «обязательную экспликацию процедуры идентификации неадекватного знака с адекватным (эталон, соответствующим внутренней структуре языка)» [9, с. 6]. При заполнении предикатной позиции не безличной формой глагола, а иным репрезентантом, имеем дело с аналитической структурой главного члена БП, т.е. с функционально-синтаксическим модификатом ($\approx V_{f3s}$) структурной схемы V_{f3s} , семантическую схему которого выводим из исходной: «*было/будет таково*», например: *Может, оттого, что и правда – проспал и (каково было?) было уже около полудня, а может, оттого, что пахло в зальце ладаном, – (каково стало тому-то?) стало Барыбе неловко как-то, не по себе* (Е. Замятин). Данные вторичные построения передают непроцессуальные состояния, испытываемые природой, средой, инактивным субъектом.

Неоднозначными в этом плане могут оказаться конструкции с двойными семантическими отношениями неморфологизованного предиката главной части сложноподчиненных предложений типа: *Вам будет удобно, если я сяду слева?* (ТВ) (ср.: *удобно что?* и *удобно при каком условии? когда?*); *Здорово, когда организуются семейные вылазки на природу* (ТВ) (ср.: *здорово что?* и *здорово когда?*); *Неприятнее всего, когда в такую погоду сидишь один* (Н. Гоголь); *Грустно, если все мы будем как чужие друг с другом* (М. Салтыков-Щедрин). В одном случае они воспринимаются как двусоставные схемы «*то-то (было/будет) таково*», где придаточная предикативная единица выступает как функциональный эквивалент подлежащего, т. е. ПЕ $\approx N_l$. А в другом – как безличные конструкции, соответствующие семантической схеме «*(было/будет) таково*» с неморфологизованным предикатным компонентом $\approx V_{f3s}$.

Наибольшие споры относительно структурно-семантической квалификации вызывают предложения, содержащие в своем составе предикативное сопряжение инфинитива с глаголом или с так называемым словом на *-о* (*Нравится кататься; Кататься весело*). Уже сложилась традиция, в соответствии с которой такие конструкции разграничивают с учетом места инфинитива относительно его противочлена, а в ряде случаев – и с опорой на семантику предикатного компонента. Подробный обзор различных точек зрения дан в монографии В. М. Брицына [12, с. 74–103]. Однако комментарии рассматриваемых фактов в литературе требуют уточнения.

Обратимся к одному из современных вузовских учебников и разберем пример *Безумно живому человеку о смерти думать* (М. Горький) (а в связи с ним и другие в этой же рубрике) [13, с. 340]. Этим предложением иллюстрируется одна из разновидностей БП «с примыкающим инфинитивом», в которой «глагольные и именные формы содержат *оценку действия, названного инфинитивом*» [выделено нами. – Н.К.]. В такой трактовке синтактико-семантической специфики подобных конструкций нетрудно заметить существенное противоречие: с одной стороны, инфинитиву отводится второстепенная роль «примыкающего» компонента структуры предложения, а с другой – постулируется, по сути, двусоставная организация данной разновидности, где инфинитив есть определяемое, а оценивающий его компонент выполняет функцию определяющего, что характерно для соотношения *носитель предикативного признака – предикативный признак*, или *подлежащее – сказуемое*. Однако в силу скорее традиции, чем реального положения дел преимущество получает аргументация в пользу безличности, заключенная в весьма уязвимой фразе о том, что эта *оценка «дополняется»* (курсив наш. – Н.К.) значением состояния и что она более

яркая при наличии «дательного субъекта». Получается, что второстепенный, попутный фактор выводится на уровень ведущего: лексическая семантика слова превалирует над грамматической семантикой функемы. В результате налицо семантическое смешение двух разнородных конструкций, и за односоставную безличную выдается двусоставная инфинитивно-оценочного типа, где инфинитив, «выдвинутый» в позицию подлежащего, в силу воздействия на него семантики позиции признается (даже противниками такого подхода) как оцениваемое, предмет оценки, а значит, носитель предикативного признака, предизируемый компонент структуры высказывания. Соответственно, его противочлен есть оценивающее, предикативный признак, предизирующий компонент, т.е. оценочный предикат. Если применить к этому предложению принцип функционально-семантической идентификации, то оно будет соответствовать семантической схеме «*таково то-то*» или «*то-то таково*» при нейтральном порядке членов предложения. Сравним с фоновыми структурами: *Это безумно; Такое решение безумно, а также Безумие – так думать; Это безумие*), в них прозрачно отражен и конструктивный, и семантический состав грамматического ядра. Особенность подобных построений в том, что в синтаксических позициях членов предикативной основы заняты неспециализированные словоформы, т.е. $\approx N_1 - \approx V_f$.

Ставшее уже традиционным противопоставление предложений с препозитивным инфинитивом как подлежащно-сказуемых (*Работать нравится; Кататься весело*), а с постпозитивным – как неподлежащно-сказуемых (*Нравится работать; Весело кататься*) продолжает оставаться не вполне убедительным по той причине, что семантика оценочности количественно не изменяется при перестановке компонентов предложения в угоду коммуникативным задачам говорящего, да и позиция оцениваемого эксплицитно представлена.

Вероятно, стереотип нашего мышления, привыкшего к отыскиванию в двусоставном предложении традиционных подлежащего и сказуемого с общей обязательной семантикой ‘субъект и его действие’, мешает порой видеть в следующих предложениях совершенно иные семантические отношения: «потенциальные действия или состояния и их всевозможные оценки – психические, физические, сенсорные, морально-этические, интеллектуальные, модально-волевые» и др.: *Мне сладко при свете неярком, Чуть падающем на кровать, Себя и свой жребий подарком Бесценным твоим сознавать* (Б. Пастернак); *А ты разве не знал, что всегда больно падать с коня* (Е. Симонов); *Человеку грешно гордиться* (Н. Гумилев); *От восхождений и падений мне позволительно устать* (В. Ходасевич); *Умно ли так поступать?* (Л. Толстой); *Мне необходимо поговорить с вами* (А. Чехов) и т.п. Они соответствуют семантической схеме двусоставного предложения с неморфологизованными главными ЧП «*то-то таково*».

В подтверждение приведем фоновые структуры, идентифицирующие инфинитивно-оценочные предложения с двусоставными личными: *Нам очень нравится отдыхать здесь, особенно нравятся вылазки в горы* (ТВ); *Значит, вы убеждены, что правило это верно, что отделаться от впечатлений юности трудно, едва ли возможно* (Н. Гейнце); *Это гнусно – взваливать на Хемингуэя ответственность за собственные перемены* (С. Довлатов); *Я готов был драться за свою любовь и очень жалел, что это не принято. Не принято было в этом обществе размахивать кулаками* (С. Довлатов). Примеры свидетельствуют: инфинитивно-оценочные предложения ни структурно, ни семантически не принадлежат полю безличности. Тесно смежаясь с ним, они занимают периферию поля двусоставных оценочных предложений.

На основе проделанного анализа можно констатировать, что остаются непроясненными принципиальные различия в структуре предикатов безличных и оценочных предложений при имеющем место смешении понятий «безличность» (как грамматикализованное выражение стихийного, произвольного, независимого от воли субъекта процесса или состояния природы, среды, человека) и «оценочность» (как

выражение субъектом речи суждения в виде разного рода характеристик, аттестаций вполне определенных субстанций / референций, представленных в узусе в том числе и инфинитивом). Соответственно, не всегда четко проводится разграничение таких понятий, связанных с названными типами синтаксических конструкций, как *состояние* и *оценка*.

Постановка смыслового вопроса (совершенно напрасно игнорируемая в современной синтаксической науке) и идентификация через неопределенно-указательные местоимения дает ключ к решению ряда спорных вопросов. Опора на позиционный состав является наиболее надежным критерием при анализе структуры предложения и позволяет аргументированно проиллюстрировать реальную функцию инфинитива и его противочлена в анализируемых построениях, носящих дискуссионный характер.

Из этого следует, что нет оснований слова на *-o* в составе инфинитивно-оценочных конструкций квалифицировать как категорию состояния, поскольку это краткие прилагательные среднего рода, функционирующие в присвязочной субпозиции составного именного сказуемого и сопрягающиеся с противочленом – инфинитивом в позиции подлежащего на основе предикативной синтаксической связи. Структурная схема этих построений: $\approx N_I - \approx Vf$.

Исходя из такой квалификации предикатного компонента, можно вполне согласиться с В. В. Луцкой о периферийном положении данных словоформ в составе современного имени прилагательного: им уже не свойственна функция определения, они прочно закрепились в присвязочной субпозиции, но на правах словоформы неполной синтаксической специализации (структурная и функциональная периферия – в терминологии В.В. Луцкой [14]).

Таким образом, сделав опору в исследовании спорных предложений на несколько взаимосвязанных и взаимообусловленных критериев с учетом такой языковой универсалии, как асимметричный дуализм знака, возможно уточнить не только структурно-семантическую квалификацию высказывания, но и лексико-грамматический и функционально-синтаксический статус организующих ее компонентов. Дальнейшие наблюдения целесообразно вывести на уровень взаимодействия полей в грамматической системе языка.

РЕЗЮМЕ

Розмежовано безособові та суміжні з ними речення інших структурно-семантичних розрядів з урахуванням закономірностей заповнення позиційного складу й у зв'язку із виявом асиметричного дуалізму мовного знака в синтаксисі. З'ясовано критерії категорії безособовості. Обґрунтована двоскладність інфінітивно-оцінних речень.

Ключові слова: безособовість, оцінність, синтаксична позиція, функційний еквівалент.

SUMMARY

The distinction of impersonal and related proposals of other structural and semantic categories, based on regularity of filling up of the positional structure and in connection with display of asymmetric dualism of the linguistic sign in the syntax is done. The criteria of the category of impersonality is revealed. Double-composition of infinitive and valued sentences is grounded.

Key words: impersonality, estimation, syntactic position, functional equivalent.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРЫ

1. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике [Текст] / А. А.Потебня // Т. III. Гл. XII. — М. : Просвещение, 1968. — С. 317 – 380.
2. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка [Текст] / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю.Сидорова. — М., 2004. — 544 с.
3. Курмакаева, Н. П. Закономірності заповнення позиції головного члена безособових речень у зв'язку з дією принципу функціональної еквівалентності [Текст] / Н. П. Курмакаева. — Автореф. ... к. філол. н. — Дніпропетровськ, 2010. — 20 с.
4. Плунгян, В. А. Общая морфология: Введение в проблематику [Текст] / В. А. Плунгян. — М. : Эдиториал УРСС, 2000. — 384 с.
5. Лушай, В. В. Позиционный состав предложения и типология синтаксической связи: учебное пособие [Текст] / В. В. Лушай. — Донецк: изд-во «Ноулидж», 2012. — 126 с.
6. Карцевский, С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака [Текст] / С. Карцевский // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч.II. — М. : Просвещение, 1965. — С. 85 – 90.
7. Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста [Текст] / Сб. статей, посвященных юбилею Г. А. Золотовой / сост. Н. К. Онипенко. — М. : Эдиториал УРСС, 2002. — 512 с.
8. Бабайцева, В. В. Явленияпереходности в грамматике русского языка [Текст] / В. В. Бабайцева. — М. : Дрофа, 2000. — 640 с.
9. Лушай, В. В. Заполнение позиционного состава предложения по принципу функциональной эквивалентности: интроспективный анализ в русле экспликационной грамматики [Текст] / В. В. Лушай. — Донецк : ДонНУ, 2010. — 255 с.
10. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка [Текст] / А. А. Шахматов // Вступ. статья д-ра филол. наук, проф. Е. В. Клобукова. — 3-е изд. — М. : Эдиториал УРСС, 2001. — 624 с.
11. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении [Текст] / А. М. Пешковский. — Изд-е 8-е. — М. : Эдиториал УРСС, 2001. — 432 с.
12. Брицын, В. М. Синтаксис и семантика инфинитива в современном русском языке [Текст] / В. М.Брицын. — К. : Наук. думка, 1990. — 320 с.
13. Современный русский язык : Теория : Анализ языковых единиц : учеб. для студ. высш. учеб. заведений : В 2-х ч. — Ч.2. : Морфология. Синтаксис [Текст] / В. В. Бабайцева, Н. А. Николина, Л. Д. Чеснокова и др. ; под ред. Е. И. Дибровой. — М. : Издат. центр «Академия», 2001. — 704 с.
14. Лушай, В. В. Структурная и функциональная периферия в системе частей речи [Текст] / В. В. Лушай // Вісник Дніпропетровського університету. Серія Мовознавство. — 2013. — № 11. — Т. 21. — С. 109 – 121.

Надійшла до редакції 02.09.2013 р.